

материала умело сочетаются внешние и внутренние реконструкции.

В освещении общего процесса развития русского языка особое внимание уделяется описанию тех явлений, которые имеют непосредственное отношение к объяснению фактов современного русского языка. В учебнике четко выдержан принцип единства современного состояния русского языка и его исторических изменений.

Заслуживают внимания и одобрения дидактическая направленность и типографическое оформление учебника. Описание сложных процессов, происходивших в глубокой древности, где это возможно, начинается с того, что студентам известно. В качестве одной из многих иллюстраций можно указать описание аблаута, которое начинается примерами из немецкого языка, где данное фонети-

ческое явление ярко выражено и в настоящее время.

Пользование учебником облегчается наличием карт, отражающих расположение славянских племен и народов в разные исторические периоды, а также карты с указанием территории распространения современных восточнославянских языков и их основных диалектов.

В списке использованной литературы дается 215 названий и 67 позиций дополнительной литературы. Среди указанных источников приводятся работы советских языковедов.

В заключение необходимо подчеркнуть, что публикация в ГДР «Истории русского языка» привлечет внимание не только студентов и преподавателей, но и всех лингвистов и будет способствовать пропаганде русского языка за рубежом.

Мустейкис К. В.

Л. Дажё. Типологическая характеристика русской грамматики в сопоставлении с венгерской. Простое предложение. — Будапешт: Танкёнквидао, 1984. 263 с.

До середины нашего столетия в Венгрии славистикой интересовались лишь отдельные ученые, исследовавшие главным образом западно- и южнославянские языки. Широко представленные на территории старой Австро-Венгрии словацкий, чешский, сербскохорватский языки привлекали внимание венгерских ученых прежде всего с точки зрения истории венгерского языка в свете его контактов с соседними языками. Взаимосвязи восточнославянских и венгерского языков недооценивались: считалось, что они почти не отражались в венгерском языке. Поэтому украинскому и русскому языкам уделялось мало внимания. Положение в корне изменилось после окончания второй мировой войны, когда возрос интерес к восточнославянским языкам, особенно к русскому. В настоящее время русский язык входит в программу школьного обучения, стал одним из предметов вузовской подготовки. Необходимость разработки методов преподавания русского языка в школьной и вузовской аудиториях явилась первым стимулом к выявлению сходств и, особенно, расхождений между структурными схемами русского и венгерского языков, что привело к более широкому и целенаправленному практическому сопоставлению отдельных особенностей этих языков, а также к теоретическому осмыслению системных взаимоотношений их структур. Среди работ по сопоставлению грамматических закономерностей венгерского и русского языков выделяются труды И. Пете, Й. Драхош, Й. Крекитш, Э. Саламни, но особенно большие заслуги в этой области принадлежат Л. Дажё. Первые сопоставительные работы Л. Дажё посвящены частным вопросам машинного перевода с русского языка на венгерский. Теоретические взгляды Л. Дажё по вопросам общей типологии изложены в его монографиях [1, 2].

Рецензируемая книга является образцом синтеза теории и практики. В соответствии с этой направленностью монография (кроме краткого предисловия) разделена на две большие главы. В первой из них излагаются «типологические основания» в аспекте сравнения основных характеристик грамматического строя русского и венгерского языков; вторая глава (поскольку она ориентирована на венгров, изучающих русский язык), начинающаяся с общего обзора структурных схем простого предложения русского языка, в основном содержит детальное описание важнейших схем двукомпонентных предложений русского языка в сопоставлении с венгерскими.

Для метода, примененного в книге, характерно использование анализа по структурным, функциональным и операционным параметрам, из которых главное значение придается первым двум. При изучении любого вопроса автором учитываются новейшие достижения лингвистической теории, о чем свидетельствуют многочисленные ссылки на специальную литературу, сопровождаемые нередко подробным изложением и толкованием взглядов цитируемых ученых, а иногда и критическими замечаниями. Особо следует отметить отношение Л. Дажё к советской теоретической литературе по лингвистике. Наиболее широко им используются труды ленинградских и московских ученых: многократно цитируются Русская грамматика (I—II; М., 1980), работы В. С. Храковского, Ю. С. Маслова, А. В. Бондарко, Б. А. Серебrenникова, В. Н. Ярцевой, Г. А. Климова, К. Е. Майтинской и др. Несмотря на то, что книга предназначена для специалистов, она написана вполне доступно и для широкого круга читателей. Этому способствует стремление автора последовательно объяснять применяемые им специальные термины, иногда достаточно извест-

ные (например, «актанты», «агенса», «пацпенса», «актуальное членение предложения» и др.). Кроме того, в качестве приложения приведен список терминов, снабженный толкованиями. Однако отдельные схемы-рисунки (например, на с. 12) слишком сложны и иногда затрудняют восприятие материала.

В целях установления типологических сходств и расхождений между русским и венгерским языками Л. Дэжé привлекает и дополнительные языки, представляющие по соответствующим вопросам особый интерес. Так, для определения принадлежности русского и венгерского языков к разным подтипам по выражению объекта автор подключает к анализу эстонский, что дает ему возможность определить по указанному параметру три подтипа номинативных языков: партитивный, характеризующийся наличием специального средства — падежа партитив — для выражения неполного охвата объекта действием (представители этого подтипа: прибалтийско-финские языки, в частности, и эстонский), семипартитивный, по которому тотальный объект выражается специальным падежом — обычно винительным, партитивный же — другим, специальным средством (представителями этого подтипа выступают литовский и славянские языки, в частности, и русский, в котором для обозначения тотального объекта служит аккузатив, для обозначения же партитивного — генитив: *выпить вино, выпить вина*), тотальный подтип (его представитель — венгерский язык, в котором партитивный и тотальный объекты выражаются одинаково — аккузативом). Этим примером убедительно показаны расхождения между русским и венгерским языками по довольно существенным параметрам, несмотря на то, что по основному — субъектно-объектному — оба они относятся к номинативному типу в противоположность эргативным языкам. В иных случаях путем привлечения других языков Л. Дэжé демонстрирует возможность объединения русского и венгерского языков в единый подтип, несмотря на довольно существенные внешние расхождения. Так, на фоне немецкого языка, в котором рефлексивные предикаты распространены формами личных местоимений (ср.: *ich sehe mich* «я вижу себя», *du siehst dich* «ты видишь себя»), русский и венгерский по данному параметру сходны тем, что в них для каждого лица имеются специальные возвратные местоимения (ср. русск. *я вижу себя, ты видишь себя* и их венгерские переводы: *én látom magamat, te látod magad* и т. д.).

Для подтверждения типологических сходств или расхождений между русским и венгерским языками по разным параметрам автор неоднократно привлекаются сербскохорватский, английский, немецкий, эстонский, эскимосский, чукотский, табасаранский языки. Можно было бы спорить о том, всегда ли Л. Дэжé избирает наиболее яркий язык по соответствующему параметру. Так, по приведенному выше примеру особенно подходящим представителем из прибалтийско-финских языков мы считаем финский, лучше сохранивший партитивное оформление,

чем эстонский (впрочем, по эстонскому языку Л. Дэжé имел возможность пользоваться сопоставительной грамматикой эстонского и русского языков, изданной в 1962 г., в то время как по финскому языку подобной работы нет).

Как уже отмечалось, в первой главе рассматриваются вопросы общей типологии на материале сопоставленных русских и венгерских данных. Об этом можно судить по заголовкам больших разделов: Главные процессы создания предложения; Универсальная структура, создание и преобразование исходного предложения; Грамматическое оформление исходного предложения; Актуализация предложения: аспектуальность и детерминация; Актуальное членение простого активного предложения; Осложненное предложение (имеются в виду предложения, в которых участвуют не только актанты и предикат). Естественно, в книге освещены не все стороны соответствующих проблем, что оговорено самим автором. Однако, по нашему мнению, вопросы отобраны удачно, во всяком случае, наиболее сложным из них уделено достаточно внимания. Четко освещены основные теоретические проблемы, которые наиболее существенны для типологического сопоставления русского и венгерского языков. Это вопросы, связанные с семантическим предикатом (автором они разделяются на стативные или статальные и динамические), вопросы диатезы, в связи с которыми рассматриваются типы формальных выражений пассивных, реципроковых и рефлексивных конструкций. Далее — особенности, обусловленные флексивностью русского и агглютинативностью венгерского языков в рамках номинативного строя предложения обоих языков, вопросы типологии падежных систем в русском и венгерском в сопоставлении с другими языками; подробно рассматриваются значительные расхождения глагольной аспектуальности в русском и венгерском языках в качественном и количественном аспектах, а также по способу действия; в анализе способов детерминации существительных тщательно описывается богатство соответствующих средств в венгерском по сравнению с русским, поскольку в первом из них (помимо местоимений) функционируют артикли и специальное объектное спряжение, предназначенное для выражения детерминированного прямого дополнения, грамматические варианты которого автором перечисляются.

Достоинство первой главы, на наш взгляд, заключается в умении автора объяснить совокупность серьезных расхождений в частных структурных схемах русского и венгерского языков их основными типологическими расхождениями. Автор убедительно показывает, что частные различия в значительной степени обусловлены общими вариантами в рамках номинативного типа. Выводы автора богато иллюстрированы примерами.

Вторая глава книги, посвященная сопоставительному анализу особенностей русского и венгерского языков, построена на принципе подхода к соответствующим вопросам, реализованном в акаде-

мической «Грамматике русского языка» (М., 1980 г.), и поэтому глава начинается с изложения принципов построения указанной грамматики, с описания ее структуры. Затем следует краткий обзор сопоставления основных структурных схем двухкомпонентных и однокомпонентных простых предложений. По двухкомпонентным предложениям особо различаются структуры со спрягаемой формой глагола и структуры без такой формы. Основная же «рабочая часть» главы отведена анализу (в сопоставлении с их венгерскими соответствиями): а) русских двухкомпонентных предложений с объектом и б) русских двухкомпонентных предложений с обстоятельством. Общей основой для сопоставления является семантический подход. Так, для освещения венгерских соответствий русскому винительному падежу автор исходит из семантических групп русских глаголов, управляющих объектом в винительном падеже. Круг вопросов, затронутых во второй главе, мог бы быть значительно дополнен, но ограниченность выбора частично объясняется объективными причинами. Например, как отмечает сам автор (с. 144), вопросы субъективной модальности не включены в книгу ввиду отсутствия предварительных разработок по соответствующей теме.

«Заключения» в монографии, к сожалению, нет. Книга заканчивается обширной библиографией специальной литературы, использованной автором.

Наряду с многочисленными удачами, в книге встречаются отдельные формулировки, иллюстративные примеры, нуждающиеся в уточнении.

Можно согласиться с Л. Дажё в том, что венгерский язык по обозначению прямого объекта относится к так называемому тотальному подтипу номинативных языков, но его утверждение, что в венгерском языке совершенно нет морфологического средства для выражения неполного охвата объекта действием (с. 33), все же представляется слишком категоричным. На самом деле таким средством является нечастое периферийное использование элатива; ср.: *a vizet inni* «выпить воду» и *a vízből inni* «выпить воды». Слишком категоричен и другой вывод Л. Дажё, заключающийся в том, что ограничительный способ действия, обозначенный в русском языке приставкой *по-*, в венгерском отсутствует и выражается якобы лишь описательно (с. 78). На самом деле в венгерском такой способ имеется: применение преверба *el-*, ср. русск. *он играл с ребенком* «játszott a gyerekekkel» и *он поиграл с ребенком* «eljátszott a gyerekekkel», *я люблю с ним беседовать* «szeretek vele beszélgetni» и *я люблю с ним побеседовать* «szeretek vele elbeszélgetni». В то же время нельзя не отметить, что венгерский преверб *el-* в ограничительном значении употребляется значительно реже, чем русский префикс *по-*, в частности, русским примерам с *по-*, приведенным автором, действительно не соответствуют венгерские примеры с превербом *el-*. В таблице, изображающей систему падежей венгерского языка (с. 47—48), суф. *-nak* представлен дважды: как окон-

чание датива и как окончание генетива при посессивных определениях. В то же время окончания всех других падежей в таблице фигурируют только один раз, хотя среди них тоже имеются носители совмещенных основных функций (например, *-ből*). В книге встречаются случаи, когда с определенным типом русского предложения сопоставлен тип венгерского предложения в виде буквального перевода, который для венгерского является неестественным, неправильным. Так, на с. 32 венг. *Annának lehet utazni* передано русск. *Анне можно ехать*; также неправильным воспринимается венгерский «эквивалент» русского выражения *задача учиться* — *A feladat tanulni* (с. 147). По-видимому, терминологическим недоразумением объясняется ошибочное утверждение автора, что в древневенгерском не было артиклей (с. 36). Если считать, как это принято, что древневенгерский (или, иначе, старовенгерский, по-венгерски — *őmagyar*) период длился с X до середины XVI века, то следует иметь в виду, что определенный артикль уже зафиксирован в венгерских памятниках XIV в. (см. [3]). Видимо, в данном случае автор термин «древневенгерский» употребил вместо термина «п्रा-венгерский», обозначающего дописьменный период венгерского языка. Подобное же терминологическое недоразумение лежит в основе другого утверждения, будто немаркированный аккузатив, совпадающий по форме с номинативом, был характерен для древневенгерского языка (с. 36). На самом деле, аккузатив с суф. *-t* хорошо прослеживается уже в Надгробной речи (первый связный памятник венгерского языка, относящийся к концу XII в.). В отдельных случаях недостаточно четко охарактеризованы семантические группы управляющих слов например, русские глаголы *бояться*, *опасаться*, *остерегаться*, *стыдиться* и их венгерские эквиваленты отнесены к объектным, выражающим удаление, лишение.

Наши замечания, естественно, не затрагивают очевидных достоинств рецензируемой монографии. Книга Л. Дажё читается с интересом. Методы анализа, примененные в ней, теоретические обобщения, как и частные выводы автора, заметно продвигают разработку как проблем общей типологии, так и методов преподавания русского языка в венгерской аудитории.

Майтинская К. Е.

ЛИТЕРАТУРА

1. L. Dézső. Bevezetés a modattani tipológiába. Budapest, 1972.
2. L. Dézső. Studies in syntactic typology and contrastive grammar. Budapest — The Hague, 1982.
3. G. Bárczi, L. Benkő, J. Berrár. A magyar nyelv története. Budapest, 1967, 18, 399 old.